

МВД России
Екатеринбургская высшая школа

Контрольный экземпляр

САРАНЧИН Ю.К.

РОССИЙСКИЕ ЛИКИ
ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Екатеринбург
1996

ББК
Ю 3(2)60
С. 20

С 20 Саранчин Ю.К. Российские лики философии марксизма. -
Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской высшей школы
МВД России, 1996. - 203 с.

ISBN 5-88437-048-2

Монография представляет собой одну из немногих в отечественной литературе попыток проанализировать исторические судьбы классического марксизма в России.

В работе прослеживается определенная линия развития русского марксизма конца XIX - начала XX вв., представленная в многообразных формах: ортодоксальный марксизм Г. Плеханова, сциентистская трактовка философии А. Богданова, богостроительская теория А. Луначарского, философская версия марксизма В. Ленина. Показана социально-политическая и культурно-историческая обусловленность многообразных трактовок философии марксизма, учитываются современные дискуссии о исторических судьбах марксизма, дан анализ зарубежной и отечественной литературы.

Книга рассчитана на научных работников в области философии и истории, а также всех интересующихся отечественной историей философии.

Рецензенты: Гайда А.В., доктор философских наук, профессор
(Уральский институт философии и права);
кафедра истории философии философского факультета
Уральского Государственного университета.

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским Советом ЕВШ
МВД России.

ББК Ю 3(2)60

ISBN 5-88437-048-2

© Саранчин Ю.К., 1996
© ЕВШ МВД России, 1996

ВВЕДЕНИЕ

Удивительна судьба марксизма. По остроте философских дискуссий его можно сравнить разве что с кантианством и гегельянством. Там тоже были (и есть) свои фанатичные поклонники, были и непримиримые ниспровергатели, старавшиеся свалить все беды и несбывшиеся мечтания совершенно различных людей на неспособность философского учения быть панацеей. Отношение к марксизму напоминает качание маятника: от безусловного обожания до горяче-слезливого раскаяния за былые увлечения. Марксизм критиковали всегда.

Критика марксизма шла под лозунгом "возврата к подлинному Марксу", выражалась в попытке представить Энгельса в качестве вульгаризатора и даже ревизиониста философских идей Маркса, Энгельсу приписывают также такие "пороки" в области философской теории, как некритическое использование гегелевской диалектики, "сциентистскую позитивистскую ограниченность" и т.п.

Зарубежные исследователи марксизма (И. Бохенский, А. Мейер, И. Фетчер, Г. Флейшнер, М. Ланге, А. Лефевр, Л. Колаковский и др.) утверждают, что в марксизме есть две линии. Одна из этих линий идет от ранних работ К. Маркса, и прежде всего от "Экономическо-философских рукописей 1844 г." и "Тезисов о Фейербахе", в которых Маркс предстает как гуманист и где на передний план им выдвигается "философия практики". Эта линия "творческого" или аутентичного, т.е. истинного марксизма затем идет на убыль и впоследствии вытесняется детерминистско-догматической или так называемой сциентистской линией в философии марксизма. Возрождение первой линии - "антропологического гуманизма", "философии практики", присущей Марксу в раннем периоде его творчества, осуществилось впоследствии в работах Г. Лукача, К. Корша, а также в сочинениях так называемых антропологических гуманистов послевоенного времени (например, Лефевр). Другое же направление исторического развития марксизма и его философии, ее так называемая сциентистско-догматическая модель ведется идейными противниками марксизма от Энгельса, в особенности от его работ "Анти-Дюринг" и "Диалектика природы"; к этому варианту теории марксизма присоединились Плеханов, Ленин, будто бы так и не понявшие нового качества философии марксизма.

Так, представители Франкфуртской школы А. Шмидт и Г. Веттер объявляют Энгельса подлинным основателем диалектического материализма, "прародителем диалектики" и "советской филосо-

96-15886

3

ГОС. ПУБЛИЧ. БИБЛИОТ. 652

фии"¹, который не имеет ничего общего с первоначальным марксовым гуманизмом². Диалектический материализм, согласно Веттеру, в его современном звучании появился лишь в результате написания Энгельсом в 1878 г. "Анти-Дюринга" и означает просто "материалистический эволюционизм"³. Н. Лесин утверждает, будто гуманистические взгляды Маркса сформировались под решающим воздействием философии Фейербаха, а Энгельс "не понял материализм Фейербаха" и "интерпретировал природу человека с точки зрения физика или химика"⁴, в то время как Маркс всегда оставался "антропоцентристом", убежденным, что "сущность человека всегда должна быть окончательным критерием оценки положительных или отрицательных черт любой социо-экономической формации"⁵.

Еще одним основополагающим противопоставлением Энгельса Марксу является представление, что диалектика может быть присуща только человеческой деятельности, что она - практическое измерение человека, творца социального мира. Поэтому попытка применить диалектику к природе была ошибкой, и философские формулировки Энгельса в корне отличаются от теории Маркса. "Энгельс позволил себе идти туда, - заявляет Лихтгейт, - куда Маркс боялся ступить, и в результате появился диалектический материализм, кошмар, который еще продолжает давить на его последователей"⁶. Поэтому резонно встает известный, но в каждую историческую эпоху по-новому решаемый вопрос: что такое марксизм? Религия, мировоззрение, философия или наука? Несмотря на плюрализм мнений, существующий в зарубежной литературе, можно вынести определенный алгоритм решения этого вопроса.

Марксизм с самого начала был строго научной теорией, но в ходе революционного движения якобы постепенно терял научный характер, все более превращаясь в идеологию, и в конце концов стал системой идеологических мифов⁷. "Антиномия эволюции марксизма, - заявляет Колоковский, - состоит в том, что действительно научная теория, которая выросла из традиций рационального мышления... стала идеалом надстройки, организованного политического движения масс"⁸. То, что в начале было наукой, под давлением организации превратилось в мифологию, прикрытую фасадом научности. Любая попытка связать науку с мировоззрением является абсурдной, ведет к "насилию", тоталитарным формам господства. Различие науки и идеологии проводится как правило в духе позитивизма, прежде всего, по социальным функциям. Наука - это изучение действительности, идеология или система ценностей и норм, без которых общество не может действовать и жить.

"То обстоятельство, - пишет А. Гоулднер, - что научный марксизм делает пролетариат центром человеческих страданий, представляет собой избирательное средство с теми аспектами христианства, которые служат религии бедных и угнетенных, религии страдающего бога и которые содержат обещания прекращения страданий"⁹. Исходя из вышеуказанного, можно отметить, что процесс решения проблем, стоящих перед Марксом и Энгельсом, - жизненный нерв марксизма. Взятые же отдельные результаты их учения, вырванные из контекста идейного развития, представляют собой застывшие абстрактные догмы. Марксистская догматика, как известно, ничем не лучше любой иной догматики; воплощенная же в социальную реальность, она превращается в полную противоположность того, что она декларирует.

Известно мнение Р. Дарендорфа, знаменитого современного обществоведа, о том, что в своих лучших проявлениях XX век был социально-демократическим¹⁰. Наверное, это сказано слишком сильно. Было кое-что и другое. Но то, что картина нашего столетия писалась и социал-демократическими красками, что, несмотря на падения и неудачи, европейская социал-демократия стала одним из столпов современной западной цивилизации, - это очевидно. К сожалению, к нам слова Р. Дарендорфа не относятся. Русский XX век обошелся без социальной демократии. И хотя в конце 1917 г. к власти у нас пришла партия, именовавшая себя "русской социал-демократической", это был лишь псевдоним или точнее - благопристойная маска, за которой скрывалась сила, по сути дела не имевшая ничего общего с идеями социал-демократии.

Отдавая себе отчет в том, что понятия "марксизм" и "социал-демократия" даже сто лет назад не были идентичными, хотя, конечно, очень и очень близкими, мы считаем, что для России рубежа XIX-XX вв. это оправдано. Все члены социал-демократических кружков, а затем и партии, исповедовали марксизм, и, наоборот, - все марксисты или были членами социал-демократических организаций, или близко стояли к ним.

В истории русской предреволюционной мысли есть один любопытный факт. Целая плеяда ее ведущих представителей испытала в молодости сильнейшее увлечение марксизмом и активно работала в рядах социал-демократии. Это Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет и др.

Заметим для себя, что в этом, разумеется, далеко не полном, но весьма репрезентативном списке шесть из семи - авторы "Вех", одного из значительных документов отечественного самосознания и

самопознания, а также то, что все эти люди родились примерно в одно десятилетие - конец 60-70-х гг. Знаменательно и то, что вся эта группа полностью и окончательно порвала с социал-демократией к революции 1905 г.

Итак, чем же можно объяснить этот факт? Модой на марксизм, которая пришлась в России как раз на молодость этого поколения? Новизной марксистских идей, их "научностью" и "научообразностью"? Коллективистским началом, заложенным в марксизме и нашедшим отклик в коллективистской психике русской культуры? Наверное, каждое из этих объяснений в той или иной мере справедливо. Но особый интерес представляет, безусловно, саморефлексия этих людей. Что впоследствии думали они по поводу своего марксистского, социал-демократического прошлого? Как, придя уже на другие мировоззренческие и интеллектуальные позиции, объясняли случившееся с ними в начале жизни?

В "Самопознании" Бердяева мы можем прочесть: "Я не раз задавал себе вопрос, что побудило меня стать марксистом, хотя не ортодоксальным, а свободомыслящим? Вопрос сложный. Особая чувствительность к марксизму осталась у меня и доныне. Я не мог прикнуть к социал-народникам и к социалистам-революционерам, как они стали именоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров... Кроме того, меня отталкивал пункт о терроре, к которому я всегда относился отрицательно. Марксизм обозначал совершенно новую формацию, он был кризисом русской интеллигенции. В конце 90-х гг. образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения революционной интеллигенции. Это был тип мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм. Я стал критическим марксистом, и это дало мне возможность остаться идеалистом в философии. Пронзошла дифференциация разных сфер и освобождение сферы духовной культуры. Марксизм того времени этому способствовал. В марксизме меня более всего пленил исторический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х гг. был, несомненно, процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор"¹¹.

С.Н. Булгаков был твердо убежден в том, что "после политического удушья 80-х гг. марксизм являлся источником бодрости, деятельности, оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом. Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освещенный вековым опытом Запада,

практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению"¹².

Вдумаемся в эти слова Бердяева и Булгакова. Первое. Речь идет не вообще о марксизме, не о марксизме "ортодоксальном", а о марксизме "критическом", "свободомыслящем". То есть подразумевается, что имелись различные типы марксизма.

Второе. Именно критический, свободомыслящий марксизм выводил передовую русскую интеллигенцию на "большой простор", к "широте мировых перспектив". Выводил из провинциализма народничества, из его узкого сектантского мышления, из кризиса отечественной социалистической идеологии. Такой марксизм был формой просвещения европейской русской интеллигенции.

Третье. Он позволял "встать на более высокий культурный уровень", "остаться идеалистом в философии"; "способствовал освобождению сферы духовной культуры" из-под ига вульгарного и наивного социологизма, характерного для традиционно-народнического менталитета.

Четвертое. Марксизм Бердяева, Булгакова, Струве и им подобных был одновременно способом, формой, идейным, научным обоснованием отказа от террора, который искушал отечественную интеллигенцию на протяжении всей ее истории. Этот марксизм получил в 90-е гг. название легального. И хотя тогда в понятие "легальный марксизм" вкладывался другой смысл, появление этого термина далеко не случайно. Мы убеждены, что В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и ряд других русских социал-демократов, пустив в публицистический оборот - с целью размежевания со своими оппонентами и дискредитации их - словосочетание "легальный марксизм", не осознавали того, что попали в точку. Хотели сказать одно, а получилось совсем иное. Тот марксизм действительно был легальным в самом прямом смысле. Он основывался на принципах права и законности, легальности и легитимности и поэтому органически отвергал террор.

Пятое. В последнее десятилетие XIX в. для многих представителей нового поколения отечественной интеллигенции марксизм стал общественным бродилом, "источником бодрости и деятельности оптимизма молодой России", вселявшим веру и указавшим пути национального возрождения. Парадоксальным образом это космополитическое, интернациональное учение оказалось для русского ума школой практического патриотизма. Не казенного и пошлого,

не шовинистического и мечтательного, коего на Руси и по сей день переизбыток, а живого, деятельного, здорового.

По мнению Изгоева, "русский марксизм"... сыграл огромную и очень благотворную роль в истории общественного развития... В России марксизм был воспринят преимущественно интеллигенцией и явился для нее незаменимой школой политического и социального реализма. В тесные кружки интеллигентской молодежи, жившей где-то на седьмом небе, в своем воображении создавшей фантастические миры, фантастический народ, брошен был действительно луч света, зерно настоящей науки. В то время, как эта молодежь мечтала о превращении страны с тысячелетней историей, с многочисленными народами в социалистический рай, ей указали, что европейский социализм является продуктом многовекового экономического развития, следующего своим законам, не особенно считающимся с желаниями и фантазиями кучки интеллигентов.

Интеллигенцию обвиняли в чрезмерной субъективности, призвали изучать явления жизни не сквозь призму их желательности или нежелательности, а разыскивать подлинные социальные силы, "которые на самом деле приводят в движение народы и государства и влекут за собой социальные и политические перевороты. Эти силы интеллигенции предлагалось искать в ходе экономического развития страны"¹³.

Конечно, сегодняшнего, посткоммунистического, читателя может несколько смутить экономическо-детерминистическая риторика А.С. Изгоева. Но не в этом дело - это скорее дань времени. Существенно другое. В этом отрывке наиболее значимая характеристика русского марксизма 90-х гг. - "незаменимая школа политического и социального реализма" для интеллигенции. Да, школа политического и социального реализма была необходима культуре, насквозь пропитанной мифологией и утопизмом. "Ну какой там реализм, какая незаменимая школа?! - могут возразить иные. - Ведь марксизм и есть самая натуральная мифология, принарядившаяся в наукообразные одежды. И в этом своем качестве он давно уже развенчан".

Действительно, подобная оценка марксизма широко известна, а в нашей стране она постепенно становится господствующей. Кроме того, именно марксизм и марксистов винят во всех бедствиях, обрушившихся на Россию в XX столетии.

Однако мы не можем отрицать, что советские люди имеют право с недоверием (в лучшем случае) относиться к марксизму и к авторам, объективно анализирующим его. Особенно это касается тех, кто смеет предположить, что марксизм в истории русской культуры

и мысли был не одним лишь проклятием и несчастьем, но и очень важным, плодотворным "моментом" развития.

Понимаем, в это трудно сейчас поверить. Об этом трудно даже думать. Вот почему помимо ценностей саморефлексии как таковой, мы зовем читателя прислушаться к голосам мыслителей, сказавших об этом учении немало разоблачающего, но сумевших - в общем и целом - остаться свободными, как будучи марксистами, так и перестав быть ими.

В 1912 г., отойдя от марксизма, Б.А. Кистяковский, один из крупнейших отечественных юристов начала века, оценивал эту доктрину как попытку научно-систематического объяснения социальных явлений. "В методологическом отношении, - писал он, - экономический материализм (т.е. марксизм - Ю.С.) стоит несравненно выше натуралистического направления в исследовании социальных явлений (т.е. органической теории общества, в различных своих версиях господствовавшей в XX в. - Ю.С.). Он стремится из недр социально-научного знания конструировать объяснение социального процесса и социального развития. Свои основные понятия экономического материализма берет из политической экономии и таким образом оперирует по преимуществу с социально-научными понятиями. В общем он представляет из себя чисто социально-научное построение. Только в немногих случаях естественно-научные понятия играют в нем недолжную, методологически неправомерную роль. Эти формально-логические и методологические достоинства экономического материализма дополняются и достоинствами предметного характера. Он впервые обратил внимание на многие социальные явления и отношения; им раньше не придавали значения и потому не замечали их. Благодаря его освещению, эти явления предстали перед взором научных исследователей как настоящие открытия"¹⁴.

Нам кажется, что в этих словах Кистяковского очень точно "схвачено" то качество, то свойство марксизма, которое мы сегодня, по вполне понятным причинам, упускаем из виду и о котором забываем. Марксизм действительно первым и "впервые обратил внимание на многие социальные явления и отношения", которым до него действительно "не придавали значения и поэтому не замечали их". Иначе говоря, главная заслуга марксистской мысли заключается в постановке принципиально новых вопросов и формулировании принципиально новой проблематики. Другое дело - те ответы, которые были даны на эти вопросы, и те способы решения проблем, которые были предложены (хотя и здесь все не так просто и однозначно, как это видится в наши дни). Что же касается вопросов

проблематики, то они сохранили свое значение и для мировой культуры XX столетия. Подтверждение этому мы можем найти не только в весьма влиятельных социал-демократических и неомарксистских концепциях, но и в интеллектуальных построениях, далеких от марксизма, однако постоянно занятых разрешением данных вопросов и проблем.

И еще одно немаловажное обстоятельство для понимания уникальной и специфической роли "русского марксизма". Его верно подметил Изгоев: "Русский марксизм во многом отличался от западно-европейского и во многих отношениях превосходил его развитие. Для сведущих в этой области людей не подлежит, например, сомнению, что П.Б. Струве раньше и во многих отношениях ярче развил ревизионистские идеи, чем Эдуард Бернштейн"¹⁵.

Произнесено ключевое слово - ревизионизм. "Критический", "свободомыслящий", "легальный" марксизм был марксизмом "ревизионистским". То есть частичным, редуцированным, лишенным ареала всеобъемлющего и единственно верного объяснения истории, экономики, политики, вообще мироустройства, сведенным до уровня эвристической общественно-экономической модели, дополненным достижениями различных социальных наук, соединенным с современной философией, "очищенным" религиозными ценностями.

Однако возникают следующие вопросы: Каким образом марксизм Маркса и Энгельса превратился у нас в "русский марксизм" (повторяем: критический, свободомыслящий, "легальный")? Почему мы опередили европейских социал-демократов в возведении здания ревизионизма? Не намного, но опередили.

В марксизм у нас пришла наиболее внутренне свободная, ориентированная на "широкие мировые перспективы", открытая для новых идей и ценностей молодежь, которая, помимо прочего, не была связана (как, к примеру, немецкие ревизионисты) узами весьма жесткой партийной дисциплины. Зарубежные ревизоры чистоты марксистской догмы были от них далеко, свои еще не опирались, и сама обстановка как бы способствовала свободному и творческому восприятию марксизма (единственным препятствием являлась начавшаяся война с народниками). Ведущий представитель отечественного ревизионизма Струве в статье с характерным названием "Против ортодоксальной нетерпимости" признавался: "Я не боюсь быть диким и брать то, что мне нужно, и у Канта, и у Фихте, и у Маркса, и у Брентано, и у Робертуса, и у Бем-Баверка, и у Лассалы"¹⁶. Или вот другое, не менее характерное его заявление: "Когда

от меня требуют указать, интересы какого класса выражает философия Фихте, я чувствую, что от этого вопроса глупею"¹⁷.

Мы хотим подчеркнуть: эти слова П.Б. Струве не есть свидетельство творческой всеядности, идейных "шатаний" и т.п. Нет, это голос свободного человека, не боявшегося говорить по-своему и, будучи крупнейшим теоретиком марксизма, ставить под вопрос даже принципиальные положения этого учения.

Надо сказать, что и Бердяев очень точно охарактеризовал себя как свободомыслящего марксиста. Русские марксисты (ревизионисты, разумеется) сразу же разошлись с "классическим" марксизмом в понимании феномена свободы. Энгельсово определение свободы как осознанной необходимости в этой среде принято не было. Свобода, по утверждению Струве, "беззаконна... другого философского смысла, кроме отрицания необходимости и закономерности, слово "свобода" не имеет"¹⁸. И от несогласия с традиционными марксистскими представлениями по важнейшей мировоззренческой проблеме он пришел к выводу, что "метафизическая часть марксизма должна разделить судьбу диалектики и материализма, оказавшихся одинаково несостоятельными перед судом философской критики"¹⁹. Струве предлагал отбросить весь этот философский "хлам" - наивную метафизику, поверхностную диалектику, плоский материализм - и обратиться к Канту. С.Л. Франк в 1910 г., когда тема о необходимости "дополнения" Маркса Кантом вновь вспыхнула в российской социал-демократии, отмечал: "Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов: в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере впервые о нем заговорил Струве во вступительных главах своих "Критических заметок" (1894 г.), и он первый среди марксистов призвал обновить философскую основу марксизма путем замены материализма критицизмом"²⁰.

Об этом же пишет крупнейший американский историк - философ Р. Пайпс: "...В своих попытках заменить гегельянские элементы в марксизме неокантианской философией Струве оказался пионером. Еще в студенческие годы он пытался сделать то, что в конце этого десятилетия (90-е гг. - Ю.С.) превратилось в значительное теоретическое течение европейской социалистической мысли, а именно "критический", или кантианский марксизм"²¹. Но Р. Пайпс не совсем прав, когда утверждает, что в "классическом" марксизме П.Б. Струве обнаружил лишь один дефект - "диалектику как чужеродный метафизический элемент"²². Неудовлетворенность философской стороной марксова учения вела его дальше: к критике и переосмыслению экономических, социальных, политических и правовых

компонентов. Хотя, конечно, исходной позицией ревизионизма П.Б. Струве была философская "фальсификация" марксизма.

Вслед за неокантианцем А. Рилем, чья книга "Философский критицизм и его значение для позитивной науки" оказала огромное воздействие на молодого русского социал-демократа, Струве утверждал, что гегелевская диалектика нарушает закон тождества и что этот закон, будучи переведен на язык социологии, гласит: причина и следствие должны быть тождественны по содержанию и различны по форме. Таким образом, социализм как следствие развитого капитализма должен содержать его в себе. Струве, "используя рилевскую логику, с самого начала целиком и полностью отверг концепцию социальной революции как утопическую и усвоил идею эволюционного социализма, близкую фабианской. Критику доктрины социальной революции, с которой Бернштейн, основываясь на эмпирических фактах, выступил в конце 90-х гг., Струве начал несколькими годами раньше, используя при этом логический анализ"²³.

Можно сказать, что в форме критики "классического" марксизма и народничества со стороны нарождающегося ревизионизма шел процесс освобождения русской мысли от социального утопизма и мифологизма, шел процесс ее "взросления".

Русская метафизика, в лице таких ее представителей, как Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, стоит также у истоков отечественной критики позитивизма. Критика позитивизма со стороны метафизики имела прежде всего философскую направленность, критика махизма велась, в частности, по проблеме опыта. Помимо этого, критика А.А. Богданова со стороны Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, бывших "легальных марксистов" носила и идеологический характер: отражала происходившие процессы размежевания политических сторонников марксизма на основе уже рождающихся различных интерпретаций учения К. Маркса.

С другой стороны, у истоков этой критики стоял российский ортодоксальный марксизм в лице Г.В. Плеханова, Л.И. Аксельрод, В.И. Ленина, усматривавших в попытке богдановского синтеза субъективно-идеологическую ревизию марксизма. Со своей стороны сторонники синтеза видели в "критическом материализме" форму метафизики, являвшуюся рудиментом мышления XVIII в. Критика взглядов А.А. Богданова и его сторонников изначально имела не только теоретическую, но и идеологическую направленность. Новый пик ее приходился на 20-30-е гг., вызван он был политическими причинами и активно происходившими процессами идеологизации философии марксизма. Критика А. Богданова, который обвинялся

в антидиалектике и механицизме, велась А.М. Дебориным и его школой прямо²⁴ и косвенно, как критика сочувствующих его взглядам (Н. Бухарин) и его последователей "механистов" (А. Саробянов, А. Варьяш, А.К. Тимирязев).

Как идеологический атрибут критика "богдановщины" присутствует и в философской литературе последующего периода. Такое положение представляется совершенно естественным в условиях догматизации самого марксизма. Ситуация в философии начинает меняться в 60-е гг., вместе с развивающимися тенденциями к идеологизации марксизма. С нашей точки зрения, стремление к прочтению К. Маркса как философа XX в. сопутствовало уже состоявшимся на Западе "маргинальным" версиям марксистского экзистенциализма или фрейд-марксизма.

Стремление найти "подлинного К. Маркса" вводило советскую философию в контекст мировой философской мысли. Споры по проблемам практики, сознания, материального и идеального вели к реконструкции самого проблемного поля философского исследования. К этому времени относится появление оригинальных философских работ по теоретическим проблемам философии таких ученых, как Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев, А.П. Огурцов, В.С. Библер, Н.В. Копнин и др. Появляются фундаментальные исследования европейской философии (в том числе философского ревизионизма) А.С. Богомолова, П.П. Гайдено, К.М. Долгова, А.В. Гульги, К.С. Бакрадзе и др.

Эти теоретические и историко-философские работы также содержали резкую критику позитивизма, которая велась уже с философских позиций. Базой ее было обновленное представление о марксизме. Эти исследования являются методологической базой в определении авторского подхода к данной теме. Однако, с нашей точки зрения, критика позитивизма была достаточно односторонней. Беспристрастный анализ показывает, что поиск жизненного нерва марксизма двигался в том же направлении, что некогда мысль А.А. Богданова, считавшего философским ядром марксизма тезис о том, что мир должен быть понят как практика, т.е. субъективно. Интересно, что именно у Богданова мы встречаем рассуждение о том, что всеобщие формы мысли (категории) есть тысячекратно повторенные формы практики, что исходной формой мысли является навык, что анализ предметных форм культуры и есть реальный анализ общественного сознания. Поэтому неслучайно ряд сюжетов философствования последних десятилетий о типах мышления, смене исторических картин мира напоминает логику размышления А. Богданова.

Эмпириокритицизм в его "чистом" виде дает, с одной стороны, описание ситуации индивидуального сознания, в которой сосуществуют психическое и физическое. Он видит ее и как ситуацию противоречивого сосуществования в поле одного сознания результатов индивидуального опыта (непосредственно данное чувству) и опыта социального (априорные формы, идеи, символы).

Русский позитивизм стремится преодолеть параллелизм физического и психического. Отсюда особый интерес к анализу генезиса общественной практики, которая, с его точки зрения, и является лоном рождения иных "априорных" форм восприятия мира и мышления о нем, которые выступают для индивидуального сознания как формы объективности, как формы самого мира.

Синтез основных принципов анализа сознания Маха с культурно-философскими идеями Спенсера и Конта, анализом труда и развивающейся общественной связи в работах Маркса и составляет специфику российского махизма.

Мировоззренческие аспекты философии махизма коренным образом отличают ее от научного оптимизма "первого" позитивизма, об этом свидетельствует и печальная попытка А. Богданова сделать из своей философии жизнеутверждающие выводы. Активизм махизма не пессимистичен, поскольку творчество культуры, совершающееся по законам, чуждым законам природы, не соединяет человека с источником его бытия, а полагает между ними пропасть. Человек соединен с вселенной лишь иррационально, как неживое с живым. Космизм этой философии иррационален и трагичен. Чувство одиночества, покинутости, имманентное "новейшей научной философии", имманентно и мироощущению XX в.

Вторая половина 80-х и первая половина 90-х гг. XX в. характеризовались ярко выраженным негативным отношением к Марксу, Ленину, марксизму в целом. Однако как ни странно, в эти годы практически исчезли крупные философские работы, в которых бы предпринимался глубокий и тщательный критический анализ марксизма на основе обновленных представлений о нем.

Среди моря публицистической литературы, в которой содержится множество хлестких и резких оценок марксизма, среди бесчисленных дискуссий, сводившихся к единому мнению: "Маркса - за борт", можно назвать несколько работ, где предпринимается попытка дать трезвый и глубокий, поистине философский анализ классического и русского марксизма²⁵.

Основной целью исследования в предлагаемой работе является показ логики и методологии формирования и развития марксистской мысли в России в ходе взаимной полемики между ее основными

представителями и на основе полученных результатов выявление исторических уроков данной теоретической дискуссии (в логико-методологическом аспекте рассматриваемой проблемы). Конcretизация указанной цели предполагает постановку и, естественно, решение целого ряда задач. Их можно разделить на две группы.

Первая заключается в выяснении особенностей возникновения и существенных черт основных версий русского марксизма. Для решения данной задачи необходимо рассмотреть объективные предпосылки возникновения философских концепций Плеханова, Богданова, Луначарского, Ленина (специфику социально-экономических отношений данной исторической эпохи, уровень развития материального производства, социально-политических отношений), показать те условия, которые составили объективные предпосылки их возникновения (степень развития духовной культуры, состояние марксистского мышления в конце XIX в., особенности усвоения марксизма лидерами российской социал-демократии), остановиться на анализе особенностей философии марксизма его русскими последователями, побудительных мотивах пересмотра ими теоретических и методологических принципов марксизма.

Вторая группа задач заключается в раскрытии специфических особенностей полемики между русскими марксистами. Для этого в работе показываются идейно-теоретические и политические основы и мотивы их выступлений, историческое значение полемики Плеханова с махистами, Ленина с махистами и с Плехановым; значение рассмотренной выше дискуссии по основным вопросам философии марксизма для сегодняшнего этапа развития историко-философской науки, возможности использования выводов проведенного исследования для решения актуальнейшей задачи осмысления современного этапа мирового развития. Марксистская философия, материалистическая в своей основе, на протяжении всей своей истории последовательно отстаивала основные принципы своего учения в дискуссиях против различного рода идеалистических и эклектических течений философской мысли.

Введение

1. Бауэрман Р., Гейер К., Юлнер Э. Ницшта "марксологин": Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса. М., 1976. С. 167.
2. Развитие Энгельсом проблем философии и современность. М., 1975. С. 298.
3. Белкина Г.Л. Философия марксизма и буржуазная "марксология". М., 1972. С. 72.
4. Levin N. The tragic deception Marx contra Engels. Oxford, 1975. P. 118, 212.
5. Ibid. S. 35.

6. Цит. по: Хофман Д. Марксизм и теория "праксиса". М., 1978. С. 57.
7. Kolakowski L. Der Mensch ohne Alternative. Munchen, 1960. S. 76.
8. Ibid. S. 29.
9. Gouldner A. The Two marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. New York, 1980. P. 117.
10. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Uber die ZuKunft des Liberalismus. Stuttgart, 1983. S. 16.
11. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 107-108.
12. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. СПб, 1903. С. 7.
13. Изгоев А.С. Интеллигенция и "Вехи". Русское общество и революция. М., 1910. С. 4.
14. Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 15.
15. Изгоев А.С. Указ. соч. С. 4.
16. Струве П.Б. Против ортодоксальной нетерпимости. На разные темы. СПб, 1902. С. 302.
17. Там же. С. 302.
18. Струве П.Б. Свобода и историческая необходимость // Вопросы философии и психологии. СПб, 1897. № 1. Кн. 36. С. 125.
19. Струве П.Б. Предисловие к книге Бердяева. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб, 1901. С. 7.
20. Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб, 1910. С. 348.
21. Pipes R. Struve: Liberal on the Left, 1870-1905. Cambridge, 1970. P. 57.
22. Pipes R. Op. cit.
23. Ibid. P. 59.
24. Обзор дискуссии по поводу марксизма, состоявшейся в начале 1990 г., представлен в книге "Марксизм: pro и contra". М., 1992.
25. Лоскутов В.А. Историческая природа марксизма. Свердловск, 1990; Скоробогачкий В.С. По ту сторону марксизма. Свердловск, 1991; Любутин К.Н. Человек в философском измерении: от Фейербаха к Фромму. Псков, 1994; Марксизм и Россия. М., 1990; Ленинизм и Россия. Екатеринбург, 1995.